

В. А. Конев¹

ОПЫТ СВОБОДЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ НОВОГО МОДЕРНА

Тема нынешних Лихачевских чтений — «Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости». Как бы ни трактовались движущие силы развития общества/цивилизации/культуры, в конечном пункте, там, где действующая сила непосредственно прилагается к тому, что будет претерпевать изменение, всегда окажется конкретный человек. Именно здесь, где действует конкретный индивид, скрыта тайна предсказуемости и управляемости общественной жизни. Я думаю, что это тайна свободы и ответственности человека за свои поступки, а точнее — тайна *антиномии очевидности, данности свободы и неочевидности, неданности ответственности*.

Хотя на первый взгляд кажется, что для каждого из нас очевидна именно наша ответственность перед кем-то — перед родителями, начальником, обществом, Богом наконец. Так что куда ни посмотри, всюду обнаруживается, что человек кому-то или чему-то обязан, что он ответствен и подчинен. А где свобода? Вот она-то маловероятна, а то и вообще невероятна. Ведь сказал Спиноза: «Свобода есть познанная необходимость». Вдумайтесь! Нет свободы! Есть необхо-

димость, которая может быть познанной или непознанной.

Но я бы все-таки хотел отстоять свой тезис: данность, очевидность свободы и неданность, невероятность ответственности человека.

Начнем с поиска самой очевидности. Что для человека непосредственно очевидно? Несомненно, его собственное «я». Я всегда знаю свое «я», и каждый знает свое «я». Но где и когда человек обнаруживает свое «я», ведь оно не сразу открылось человеку? Где и когда впервые возникает ситуация явления личности? Она возникает тогда, когда маленький человечек впервые скажет себе: «Нет!» Он потянулся к чему-то, но остановил себя: «Нельзя!» *Сам* остановил себя. Он освободил себя от принуждения действительности, от того, что на него действовало, что принуждало его, что необходимо присутствовало и побуждало его. «Я» человека оказывается *очевидно* там, где человек останавливает себя, отказываясь от окружения, где он освобождает себя от принуждения необходимостью.

Свобода противоположна необходимости. Свобода — в способности выйти за пределы необходимости, за пределы бытия. Куда? К другой, *не к этой* действительности. Свобода — это способность производить разрыв в мире бытия. И этот разрыв есть мое «я», которое как «я», моя индивидуальность, личное «я» есть *непохожесть, несхожесть, отличие, освобождение* от окружения. Вот она, очевидность свободы «я»! Личность как самостоятельность, индивидуальность, *как это и только это* есть очевидное явление свободы, ре-

¹ Профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Смыслы культуры», «Две концепции логики смысла: Жиль Делёз и Андрей Смирнов», «Современная культура: галактика Цукерберга vs галактики Гутенберга», «Умберто Эко: поэтика Джойса и смена типа культуры», «Университет: из галактики Гутенберга в галактику Цукерберга» и др. Член Российского философского общества.

зультат освобождения, отделения от окружения и есть само это освобождение и отделение.

Человек как личность определяется и живет в особом пространстве — в пространстве не отождествления, а отрицания. Если индивид попадает в пространство тождества, в те социальные координаты, о которых когда-то говорил Питирим Сорокин и которые подобны декартовой системе координат, он теряет индивидуальность. Так определяется человек в пространстве социальных позиций, системе социальных групп, когда он получает определение как студент, профессор, рабочий или буржуа, как русский или чуваш и т. п. Человек как личность, имеющий свою индивидуальность, определяется в ином пространстве. Это пространство дантовых координат, которое порождается не отождествлением, а отрицанием¹, отказом *от...* и круги ада показывают, от чего должна отказаться душа; она должна покаяться *в...* и уступы чистилища показывают, в чем она должна раскаяться; и даже в раю она должна пройти ряд сфер, чтобы наконец найти свое абсолютное определение. Чтобы получить, надо отказаться. Если зерно не умрет, оно не даст плодов. Чтобы увидеть дома синюю птицу счастья, нужно совершить путешествие по миру в ее поисках. Нравственное лицо человека определяется не тем, где он находится по шкале удовольствий или по шкалам гордыни и алчности (вспомним зверей из первой песни «Ада»), а тем, что он полностью отказывается от отождествления с этими пороками и ориентирами жизни.

Творчество — форма личностного существования. Как оно реализуется? Через ряд отрицаний — не это... не это... не это. Так поэт зачеркивает в черновике слова и целые строчки. Разве он знает, что «это»? Если бы он знал, то сразу бы написал «это». Нет! Он находит через отрицание: «Вот оно!» И это *оно* стало из *нет*, из небытия, благодаря *личным* усилиям. Вот здесь и рождается ответственность за то, *что* стало. Ее невероятность, неочевидность заключается в том, что она, ответственность, *есть*, коль скоро уже нечто случилось («Аннушка уже разлила масло!»), но для меня-то она не дана, я-то ее могу не знать!

Ответственность неочевидна. Принять ответственность — значит дать ответ, который всегда имплицитно содержит в себе посылку: «Я отвечаю...» Поэтому сделать *очевидным* ответ и ответственность можно только через свободу. Но это уже не свобода отказа и отрицания, которая очевидна, но непродуктивна. Свобода отказа (нетствование) — это первый шаг личности, первое личностное деяние. Но если он не только первый, но и единственный, он разрушителен. Это свобода Сизифа, как ее представляет Альбер Камю.

Очевидность ответственности — *ответ* — рождается свободой утверждения: «Не это, а вот это...» И этот мир, признанный мною, есть мой мир, моя позиция. «Мы в ответе за тех, кого приручили», и за то, что получили, за то, что народилось. Человек как личность ответствен за время. В этом и заключается тайна

¹ См.: Конев В. А. Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия) // Конев В. А. Онтология культуры. Избранные работы. Самара : Самар. ун-т, 1998 ; *Он же*. Монологи в диалоге о едином и различии // Конев В. А. Смыслы культуры. Самара : Самар. ун-т, 2016.

неочевидности ответственности. Как можно быть ответственным за время? Может ли кто-нибудь растянуть или сжать момент, остановить мгновение? Да, может. Это человек в своей личностной ипостаси. Время — это не безразличная длительность, не бергсоновское *durée*. Это состояние, стояние (сохранение) деяния, это стояние души в событии. Поэтому есть время Пушкина и Достоевского, Канта и Эйнштейна, но есть время Сталина и Берии. Они ответственны за него. Но эта ответственность очевидна для нас, а для них очевидна была их свобода.

И в той мере, в какой человек способен создавать разрывы в бытии, которые он заполняет своим «да», своим деянием, в той мере, в какой он, открыв небытие («нет этого, а должно *это* быть!»), закрывает открывшуюся бездну своим творением (собой!), он с очевидностью свободен и ответствен за эту свободу. А если для него очевидна не свобода, а только ответственность перед... он слуга, а не самостоятельное лицо, не «я». Но тогда его свобода очевидна для его господина, так как абсолютно прав Жан-Поль Сартр, сказавший: «Только Боги и цари знают, что люди свободны».

Очевидно, что в настоящее время происходят кардинальные изменения в истории европейской (мировой?) цивилизации. Очевидно, что человек кардинально изменяет представление о своем жизненном назначении. Я бы сказал, что это изменение представления индивида о себе может быть выражено формулой «От человека пьедестала к человеку подиума». А в связи с этим существенно меняется и понимание человеком свободы.

В культуре представления (а такова была культура Просвещения, формировавшая картину мира, на которую должен был ориентироваться индивид в своем поведении) фигура, поставленная на постамент, автоматически становилась объектом восхищения/поклонения/преклонения/подражания. Человек пьедестала — человек, ориентированный на представленный в картине мира идеал. Его собственная жизнь проходит в тени пьедестала, она для него не подлинность, а только ожидание подлинности — жизнь «в ожидании Годо», жизнь «заочно живущего», как оценивал свою жизнь персонаж повести Платонова «Котлован». Человек пьедестала живет заочно, так как очная жизнь — это жизнь тех, кто представлен на постаменте, а не тех, кто проходит у его подножия. Однако и пьедестал не обеспечивает вечного постоянства подлинности: памятники рушатся, кумиры низвергаются, и тогда оказывается, что гранит постаментов хранит образ человека несколько не лучше, чем прибрежный песок, на котором начертано лицо человека (М. Фуко).

Единственная гарантия сохранения человеком своего подлинного лица и всегда очной жизни — это признание подлинным лицом человека лица каждого индивида. И если историческая волна смысла запечатленное в многочисленных изваяниях лицо, смотревшее на нас с пьедесталов, то вместо него появились миллионы селфи, которые свидетельствуют об очном присутствии каждого демонстрирующего себя здесь и сейчас.

Рубеж XX–XXI веков, как некогда XVIII век, резко меняет положение человека в обществе. Развитая социальная мобильность, повышение образовательного уровня, колоссальные возможности получения и распоряжения разнообразной информацией, атмосфера креативности — все это, как и многие другие факторы, побуждает человека к активному самостоятельному действию. Свобода становится фактом повседневной жизни, которая ставит человека не в ситуацию долга («Вот образец! Следуй ему!»), а в ситуацию вызова свободы («Бери от жизни все!»). Теперь свобода — не ответ на зов необходимости (NB: Спиноза, Гегель), а опыт *каждого* конкретного человека, в котором он постигает предел своих возможностей и способностей. Реализация свободы становится для индивида демонстрацией его возможностей и способностей, что и превращает его в человека-подиума, человека возможностей. Свобода — это «необходимость себя», если воспользоваться названием сборника работ М. К. Мамардашвили.

В условиях, когда человек подиума приходит на смену человеку пьедестала, культуре важно выработать те инструменты, которые развивали бы в человеке опыт свободы. Думаю, движение культуры именно в этом направлении — формирование специальных культурных институций, культивирующих опыт свободы, — приведет к оформлению нового варианта культуры модерна (нового варианта культуры Просвещения). Трудно сказать, как будет выстроена система институций грядущего этапа развития культуры, но один из ее центральных элементов ясен — это преобразование системы образования в направлении доминирования воспитания над обучением¹. Установка на создание условий личностного развития как в системе образования, так и за ее пределами — это создание такого цивилизационного гумуса, который становится почвой только таких событий, появление которых не будет порождать мыслей о необходимости предсказуемости и управляемости общественным развитием.

¹ Доминирование воспитания над обучением означает не то, что не нужно учить знаниям, приобщать к информации и так далее, а то, что знание всегда должно быть ценностно насыщено, мышление должно быть, как говорил, М. Бахтин, «участным», лично ориентированным.